

**ГЕННАДИЙ
СЕДОВ**

ГЕННАДИЙ
СЕДОВ

Фанни Каплан:
страстная интриганка
серебряного века

Исторический роман

Москва
АСТ

УДК821.161.1-3
ББК84(2Рос=Рос)6-44
С28

Седов, Геннадий.

С28 Фанни Каплан. Страстная интриганка серебряного века / Г. Седов. — Москва : АСТ, 2015. — 320с. — (Великолепный век).
ISBN 978-5-17-088466-7.

Фанни Каплан — самая известная злодейка советской истории. В разных источниках упоминается под именами Фанни, Фаня, Дора и Фейга, отчествами Ефимовна, Хаимовна и Файвеловна, фамилиями Каплан, Ройд, Ройтблат и Ройдман. Характеристика Фанни выглядит так: еврейка, 20 лет, без определенных занятий, личной собственности не имеет, при себе денег один рубль. Именно она стреляла в «сердце революции», но, к счастью, промахнулась. Однако подлинная история неудачного покушения на Ленина долгие годы оставалась тайной за семью печатями. Фактов — огромное количество, версий — тоже, но кто мог послать на такое задание полубезумную и полуслепую женщину? Было ли на самом деле покушение или это походит больше на инсценировку? А если покушение все же имело место, но стреляла не Каплан? Тогда кому это было нужно?

**УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рос)6-44**

ISBN 978-5-17-088466-7.

© Седов Г., 2015
© ООО «Издательство АСТ»,
2015

ДУШНОЕ ПРИВЕТЛИВОЕ ГНЕЗДЫШКО ШТЕТЛА

Быстрее, быстрее!

Она несется что есть мочи по бесконечной тропинке в море трав, убегая от увязавшейся за ней с веселым лаем Милочки. Какой удивительный день, как дышится легко, как пахнет волшебю цветами, какой красоты — в оранжевых и пурпурных красках — облака на горизонте! Гречишное поле, колышное ветром по ту сторону речки, стена темно-зеленого леса за холмом, пчелиные домики с окошечками, похожие издали на скворечни. Она мчится в узком петляющем лабиринте зелени, шумное дыхание Милочки рядом, вот-вот она ухватит ее за край подола — тропинка сворачивает в сторону, впереди обрыв с клубящимся внизу туманом, ноги ее не слушаются, мгновенье, и она рухнет вниз, в темную бездну — она всплескивает отчаянно руками и неожиданно ощущает: тело ее невесомо, она летит! Легко, свободно, как птица!

Мечется, захлебываясь лаем, на краю скального выступа Милочка, — она поднимается все выше, парит, раскинув крылья, делает круги над местечком, снижается — внизу базарная площадь, на нее глядят с восторгом и ужасом люди, она пронесится мимо прилавков, лавчонок, лабазов, рундуков зеленцов, мясной лавки Эльякима, — впереди здание синагоги, еще миг, и она врежется в колоннадку над входом — взмахнув резко крыльями, она взмывает вверх, в синеву неба...

— Фейга, Лея! Да проснитесь же вы, наконец!

Волшебный сон тускнеет и гаснет. Над кроватью, где они спят вдвоем с младшей сестренкой, нависла фигура матери.

— Что с вами сегодня? День какой, забыли? Поднимайтесь, поднимайтесь! Работа не ждет!

— Да, мамэле, встаю...

Она стягивает с себя одеяло, переваливается на край постели, нащупывает под койкой шлепанцы. Не проснувшись до

конца Лея в ночной рубашечке трет, прислонившись к спинке кровати, глаза.

За окном — подслеповатый рассвет, слышно, как за углом, на сеновале, вкочет взволнованно готовая разродиться новым яйцом несушка, как горланит ей в унисон из солидарности петух Гетман.

Спустя короткое время, ополоснув из рукомойника лицо, наскоро причесавшись, поев с Леей на кухне подогретой картошки из чугунка, она включается в работу. Волочит из подсобки тяжелые котлы для стирки, устанавливает на камнях в конце двора. Таскает из колодца наполненные ведра на коромысле, приносит из сарая и складывает у очага дрова, раздувает под котлами огонь. Идет в дом, перебирает в корзине белье. Белое отдельно, серое отдельно. Очень грязное — в сторонку: пойдет в последнюю очередь, когда прокипят как следует в мыльном растворе остальные вещи. Клиенты из богатых домов придирчивы до ужаса, сделают историю из любого крохотного пятнышка.

Вернувшись к котлам, сидя на корточках, она дует, напрягшись, в вяло колеблемые костерки в очагах. Дрова сырые, язычки пламени между поленьями, вспыхнув на миг, тут же гаснут, едкий дым разъедает глаза.

Местечко мало-помалу просыпается. Вышла из дверей соседнего дома жена кладбищенского каменотеса Кейла, вешает на забор полосатую перину. Проехал в облаке пыли на своей телеге с бочкой «золотушник» Юда, оставив запах отхожего места. Прошагали мимо столяры-краснодеревщики Ханелисы, отец и братья-близнецы, мелькнула и пропала за углом шляпа торопящегося куда-то по обыкновению местечкового шадхена Мешулама.

Через скрипучую калитку заходят во двор один за другим мальчишки с холщовыми сумками через плечо. Ученики отца. Зубрят четыре дня в неделю в домашнем хедере Тору и Талмуд, учатся арифметике. Выстроились у забора, переговариваются о чем-то, поглядывают в ее сторону.

— Чего уставились? — она тянет пониже край юбки. — Идите в дом! Только не трогайте ничего.

Вернулся спустя короткое время с утренней молитвы в синагоге отец, чистит на крыльце ботинки, исчезает за дверью. В доме раздается нестройный хор голосов, произносящих

нараспев главы Пятикнижия. В конце улицы показалась мать с двумя корзинками в руках. Подбросив наскоро в очаг очередное поленце, она бежит ей навстречу, забирает корзинки.

— Ничего не наторговала, — у матери испарина на лице, невеселый вид. — Плохой день.

Не помнится, чтобы мать когда-нибудь отдыхала. Болтала, лузгая семечки, на крылечке с соседками, ходила по гостям. Встает с петухами, спать ложится последней. Печет хлеб, готовит еду, стирает, копается в огороде, торгует на рынке маринованными огурцами и выпечкой. Отец при всей его учености, звании меламеда и десятке сопливых учеников — не добытчик в семье. Заседает в местечковом кагале, решает с членами совета текущие дела общины. Молится три раза на дню в синагоге, ходит в баню с приятелями, домой нередко возвращается тепленьким. Выпить после бани и молитвы стакан другой кошерного вина, объясняет ворчащей матери, — лишний повод восславить Творца, пропеть ему осанну за блага и деяния его.

Восславления Творца заканчиваются одинаково. Лежа в темноте спальни с сестренкой, они слышат на половине родителей скрип кровати, взволнованный шепот матери:

«Хаим, тише! Дети не спят!»

Пятилетняя Лея хихикает уткнувшись ей в подмышки. Им смешно, тянет подурчиться.

«Тише, Хаим!» — слышится за ширмой. Скрип металлических пружин то затихает, то возобновляется.

Она долго не может уснуть. Лежит с открытыми глазами, думает. Чем занимаются по ночам взрослые, для нее не секрет. В одиннадцать неполных лет она — не наивный ребенок. У нее регулярные месячные, небольшие острые грудки под рубашкой, на ногах и подмышками растут волоски. Местные мальчишки при встречах с ней оживляются, делают большие глаза, отпускают за спиной грязные шуточки. В голове столько всякого — делается иной раз не по себе...

Она проводит пальцами по бедрам, трогает лобок с курчавой ложбинкой. Пройдет немного времени и ее сосватают за кого-нибудь из здешних. В доме появится суетливый Мешулам в лапсердаке и широкополой шляпе, родители и шадхен будут говорить о приданом, свадебных расходах, спорить, торговаться. Так было у двух старших сестер, так принято у евреев: в

двенадцать лет девочки выходят замуж, не сосватанные в четырнадцать считаются неудачницами, незамужние в шестнадцать — залежалым товаром.

«За Фейгу я спокойна, — говорит мать. — С ее личиком и фигуркой в невестах не засидится».

Тикают на стене невидимые ходики, посапывает в бок сестренка. Веки ее тяжелеют, смежаются, наплывают со стороны смутные видения.

«Хорошо бы еще полетать во сне»... — проносится в голове последняя мысль.

Событие, которое всю неделю обсуждается в местечке, — убийство в Дубоссарах четырнадцатилетнего подростка Михаила Рыбаченко. Газеты что ни день приносят очередную новость. На подозрении то родственники, то окрестные цыгане, то пьяный папертный нищий, заколовший паренька по ошибке, приняв его по беспамятству за привидение.

— Ну, вот! — восклицает однажды появившийся на пороге с «Киевским вестником» в руке отец. — Виноваты-таки евреи! Вот послушайте! — принимается читать: «По делу убийства Рыбаченко появились новые подозрения. Среди населения Дубоссар циркулируют слухи о возможной ритуальной подоплеке преступления. Версию эту отчасти подтверждает тот факт, что труп был найден с зашитыми глазами, ушами и ртом, надрезами на венах и следами веревок на руках. В кишиневской газете «Бессарабец» горожане обсуждают возможную ритуальную подоплеку убийства. Выдвигаются предположения, что подросток был похищен и обескровлен евреями с целью использования его крови в каком-то ритуале»...

— Как вам это нравится! — Отец потрясает над головой газетой. — Они уверены, что мальчика убили, чтобы замочить его кровью тесто для мацы! К Песаху. А? Чтоб я так жил!

— Жди погромов, — качает головой мать.

— Очень похоже...

В воскресенье, на базаре, кто-то из приезжих разбросал между рядов листовку: «Православные христиане! Мальчик в Дубоссарах замучен жидами. Царь-батюшка издал секретный указ грабить и избивать евреев три дня после Пасхи. Поэтому бейте жидов, изгоняйте их, не прощайте пролития православной крови!»

Хотиновка затаилась. Свеж был еще в памяти кошмар позапрошлого года, когда по главной улице прошли толпой прибывшие из соседних селений пьяные русские погромщики. Где-то, ни то в Полтаве, ни то в Виннице, ни то в Вильно, фельдшер-еврей убил свою кухарку. По одним сведениям христианку, по другим — католичку. Суд еще только начался, а газеты уже обвинили подозреваемого в ритуальном убийстве. По городам и селениям Польши, Литвы, Украины и Белоруссии прокатилась волна антиеврейских погромов.

Она хорошо запомнила тот день. Как семья пряталась в погребе. Как бушевала наверху толпа. С улицы доносился дикий рев, свист, крики отчаяния избиваемых людей. В нескольких местах погромщиков встретило сопротивление. Когда кучка бандитов попыталась поджечь мебельную мастерскую Ханелисов, навстречу им вышел хозяин и оба сына-великана с палками в руках. Громилы дрогнули, бросились врассыпную.

Ближе к вечеру в штетл прибыл, наконец, воинский отряд из Бердичева. Десяток погромщиков, в основном чернорабочих, подкреплявшихся коньяком и водкой в разоренном шинке Залмана Шляпентоха, удалось задержать. Все были в стельку пьяные, обнимались друг с дружкой, хохотали, увозимые в телегах.

Перепуганные, замерзшие, они вернулись в дом. В комнатах был бедлам: сломанный буфет, этажерки, спинки разбитых стульев, в углу полусгоревший перевернутый диван с торчащими пружинами. Всюду осколки стекла, пух от вспоротых подушек и перин.

...Над Хотиновкой — синие сумерки, догорает за дальним бором закатное солнце. Считанные дни до Песаха, народ готовится к празднику. Хозяйки пекут мацу, закупают продукты, сладкое вино к седеру. В домах генеральная уборка — с кухонных полок, из буфетов убирается хамец: хлеб, макароны, печенье, крупа. Дети в ожидании подарков, выкупа афсикомана во время праздничной трапезы, пения «Хад гады»:

«Козлика, козлика отец мой купил, два зузим за него заплатил. Козлика, козлика, одного только козлика...»

Все как всегда — привычно, знакомо, повторяется из года в год. А радости на лицах людей не видать. Не кончится добром эта история с Рыбаченко, ой, не кончится!

БЕЛОШВЕЙКА

— Достань из буфета бабушкины ножницы! На верхней полке, в шкатулке. Фейга, ты меня слышишь?

— Да, мамэле.

— Учти, это город. Кругом незнакомые люди. Вечером одна не выходи... Погладить тебе лиловую юбку?

— Не надо, мамэле, я сама.

— Мадам Рубинчик известная дама в Житомире. Постарайся ей понравиться. Кто знает, вдруг она захочет взять тебя в прислуги. Или в горничные. Не говори, что тебе четырнадцать. Скажи — шестнадцать.

Мать прислонилась к стене, смотрит жалостливо, как она укладывает в дорожный сундучок вещи. Все шитое-перешитое, чулки провисли, башмаки со скошенными каблуками.

— Следи за собой. Чаше мойся. Особенно когда у тебя будут эти дела. — Мать поправляет платок на голове. — Сердце не на месте. Никогда так далеко тебя не отпускала.

— Мамэле, не волнуйтесь, все будет хорошо.

Она сдерживается, чтобы не запрыгать от радости. Завтра она будет в Житомире. Одна, вольная как птица! Будет жить у знатных людей, зарабатывать деньги.

— Дай мне пять целковых, Хаим, — обращается мать к отцу.

— Пять целковых? — делает тот удивленные глаза.

— Пять, Хаим. Ты плохо меня слышишь?

— Хорошо, как скажешь...

Отец уходит за занавеску, возится там какое-то время, появляется, протягивает матери хрустящие «билетики».

— Это на крайний случай, — отдает ей деньги мать. — Спрячь подальше. Не пригодятся, привезешь назад.

— Хорошо, мамэле...

Утром она первая на ногах, одета по-дорожному, в соломенной шляпке с лентами. Съела наспех на кухне оладышек, запила теплым молоком. Какое-то время они стоят вчетвером на крылечке, ждут.

— Едет, кажется.

Во двор в облаке пыли въезжает бричка-одноколка с балагулой Нехамьей на козлах.

— Наше вам почтенье, реб Ройтман! — прикладывает Нехамья палец к картузу. — Доброго здоровья, мадам Двора!

Нехамья не торопясь спускается вниз, подходит ближе.

— Кажется, уже на взводе, — говорит мать.

— Мадам Двора, — Нехамья старательно выговаривает слова. — У меня к вам приватный разговор.

— Ни-ни-ни, Нехамья! — отмахивается выразительно мать. — Никаких приватных разговоров! Мы обо всем договорились! Получите всю сумму, когда вернетесь.

— Побойтесь бога! Реб Ройтман, послушайте!..

— Извините! — Отец торопливо целует ее в щеку, сходит с крыльца. — Договоривайтесь с женой, я опаздываю в синагогу!..

— Вот так, милая барышня, — сетует Нехамья, когда они выезжают за ворота. — Честный балагула не может иметь от клиента хотя бы пять копеек аванса. Чтобы подкрепиться в дороге. Когда такое было, скажите, среди евреев?

Она его не слушает. Смотрит по сторонам, покачиваясь на скамеечке. Прощай, унылое местечко! Впереди необыкновенная жизнь, шумный город в огнях, модные магазины, новые знакомства.

— Фейга, шалом! — Выскакивает из мясной лавки Эльякима сын мясника, рыжий Шмуэль.

Первый приставала, пялится всякий раз при встречах, как баран. Приперся на прошлой Рош а шана в дом, принес подарок — якобы от родителей: расписной гребень и набор цветных лент. Попросил у отца разрешения вручить барышне Фейге. Отец с матерью долго после этого о чем-то говорили наедине...

— Куда собралась? — Шмуэль бежит рядом, держась за колесный щиток.

— В Житомир.

— Надолго?

— Не знаю. Может, навсегда.

Она глядит, смеясь, из-под козырька брички, как он застыл истуканом посреди дорожной колеи, как завеса пыли загоразивает от нее базарную площадь с греющимися на солнышке козами, домишки под соломенными крышами, деревянные журавли колодцев, покосившиеся заборы, пустыри. Милый, привычный, скукоженный мирок штетла, с которым ей и грустно, и радостно расставаться.

— Н-но, милая! — погоняет тощую кобылку Нехамья.

Бричка поднимается на взгорок, вспугивает с края дороги стайку голубей.

— Н-но-оо! — Приподнимается на козлах Нехамья. Дергает раз и другой поводья — бричка стремительно катит вниз.

Она закрыла глаза, подпрыгивает на ухабах, ей весело и страшно.

«Лечу! — раскидывает широко руки. — Ле-е-чу-у-у!»

Деньги даром не даются. Права мамэле.

Вторую неделю она в доме мадам Рубинчик. Житомира не видела — с утра до вечера за швейным столом. Кройка, подрубка, подшивка, строчка на швейной машинке. Спина как каменная, ноют по ночам исколотые иглами пальцы.

Она — помощница Меланьи Тихоновны, самой дорогой в городе швеи. Наняты обе на полгода шить постельное и нижнее белье к свадьбе старшей дочери хозяйки. Простыни, покрывала, наволочки, пеньюары, панталончики — по двенадцать изделий каждого вида; все должно быть украшено кружевами, гладью, ришелье. Обернуться обязаны до конца октября, работы невпроорот, времени в обрез. Кушают на ходу, отдыхают в мастерской. Вокруг — на диванчике, спинках кресел, подоконнике — куски белоснежного полотна и муара, кружева, лоскуты аппликаций, бумажные выкройки, катушки разноцветных ниток.

Скупая на похвалу Меланья Тихоновна ею довольна.

— Умница, — берет у нее из рук очередную вещь, которую она обшила по краям плетеным кружевом. — Прошва ровенькая, нигде не сбилась. Кто рукодельничать учил?

— Мамуля.

— Добро, клади в стирку...

Заглядывает изредка поглядеть, как готовят приданое, невеста, полнотелая веснушчатая Бейла. Не стыдится заглядывать в их присутствии, выставляя напоказ богатые телеса. Примеряет то пеньюар, то панталончики, крутится у зеркала, пыхтит.

— Срамота, — роняет негромко после ее ухода Меланья Тихоновна. Откусывает конец нитки, втыкает в ушко иглолки новую. — А ведь приличные вроде люди.

Обед и ужин кухарка приносит им в комнату на втором этаже, превращенную в мастерскую. Еда — с хозяйского стола. Свекольник, мясной студень, разварная рыба — ум отъешь!

— Ох-хо-хо, — тяжело поднимается, отобедав, Меланья Тихоновна. Громко рыгает раз и другой, крестит мелко рот. —

Жирный больно стюдень, не для меня... — Усаживается за швейную машинку. — Давай, поторапливайся, Фейга. — Принимается крутить ручку. — Ко мне сноха с сыном приехали, уйду нынче пораньше...

Замечательно: она, наконец, может вечером прогуляться!

Бежит, прибравшись в мастерской, к себе в комнатуху на половине прислуги, тащит из-под койки сундучок с вещами.

Выбор небольшой. Лиловая юбка с оборками, серая кофточка, базарные башмаки. Стоя у окна, она тщательно причесывается, застегивает пуговицы на воротничке.

«Напудриться!»

От неожиданно возникшей мысли ее бросает в жар. Она в растерянности, прикусила губу. Извлекает со дна сундучка бережно хранимую перламутровую пудреницу, оставшуюся от старшей сестры, давит на защелку.

Рисовой пудры — на доньшке, дунь, и ничего не останется.

Она глядится в тусклое зеркальце, проводит неуверенно вытертой бархоткой по щекам, кончику носа.

«Ужас: публичная женщина!» — вихрем пронесется в голове.

Схватив с гвоздика влажное полотенце она трет что есть силы лицо...

Вечерний Житомир — в душных сумерках, парит после короткого дождя. По Чудновской и прилегающим к ней улочкам еврейского квартала слоняются люди. Еще не закрылись мастерские — портняжные, сапожные, краснодеревщиков, жестянщиков. Пылает огонь в кузнях, стучат молотки, проезжают мимо груженые мешками телеги. Обогнав ее, прошагала мимо группа хасидов в лапсердаках и шляпах, торопящаяся в синагогу.

— Подайте Христа ради погорельцам!

Баба в тряпье с младенцем на руках. Загородила половину тротуара, тянет в сторону прохожих черную от грязи руку.

Она обходит, стараясь не запачкать ботинки, дождевые лужицы. Вокруг горы мусора, полусгнившая рухлядь. Воньца, хоть рот затыкай. Под забором, облепив рыбы кишки, алчно гудит рой изумрудных мух. Пятясь задом, волочит сквозь кусты грязную кость собака, мальчишка на крыше сарайчика целится в нее камнем.

Она сворачивает с Чудновской на Кафедральную.

— А я вот морду тебе сейчас расквашу! Ты и поймешь!

Кучка мастеровых у дверей трактира. Столпились, хватают один другого за грудки.

Она выразительно размахивает зонтиком, одолженным на вечер у горничной Людмилы, бежит мимо. Замедлила шаг, глядит с любопытством: на той стороне улицы фонарщик на стремянке орудует в раскрытом фонаре. Мгновение, и затеплились стеклянные стенки плафона, мягкий свет облил островок тротуара. Фонарщик спустился на землю, подхватил стремянку, устремился к другому столбу.

На улице все больше народа. Она остановилась перед витриной шляпного магазина, глядит во все глаза.

— К нам, милая барышня! — выбегает из распахнутых дверей приказчик в голубой косоворотке. — Милости просим!

Она в нерешительности. Ужасно хочется войти...

— За погляд денег не берем! — вертится ужом приказчик. — Шляпы загляденье! Парижская мода!

Ой, да ладно! Не съедят же, в конце концов...

Она бродит зачарованно вдоль застекленных шкафов. Сон наяву, разбегаются глаза. Шляпки на любой вкус, любое время года, любую погоду. Велюровые, фетровые, из шелка, соломки. Отделка из страусовых перьев, искусственных цветов, чучел птиц. С шелковыми и кружевными лентами завязок, кисейными наколками, закрывающими шею, красивыми булавками из меди и серебра.

Выскользнула из портьеры, закрывающей боковую дверь, дама в строгом платье, глядит в ее сторону, шепчется о чем-то с приказчиком.

— А вот эту примерьте! — кидается тот из-за прилавка.

Уловил ее взгляд, достает с полки... невозможно оторваться. Миниатюрная малиновая шляпка. Без полей, наподобие раковины, на тулье букетик из перышек попугая, серебряная булавка с голубым камнем. Она уже видит себя в шляпке, по всему видать — из Парижа. Чудо, чудо! Наклонить чуточку на правую бровь, выпустить из-под края локончик...

— Позвольте!

Приказчик, похоже, хочет ей помочь, пробует снять с головы ее соломенную стыдоду огородного пугала.

— Нет, нет, спасибо!

Она бежит стремительно к выходу.

— Барышня, постойте! — доносится вслед.

Она на тротуаре, обгоняет прохожих. Впереди суматоха, слышны полицейские свистки.

— Ломбард ограбили! — слышится в толпе.

— Чей, когда?

— Адисмана ломбард! Только что!

— Адисмана?

— Ага, на Острожской который. Рядом с бакалеей...

Ей не по себе. На сегодня, пожалуй, хватит, пора домой. Сворачивает в переулок, чтобы сократить путь, останавливается. В переулке темно, мрачные какие-то постройки по сторонам. Не хватало еще заблудиться...

Она не успевает повернуть назад. Мимо, едва не задев колесами, проносится грохоча коляска, заваливается набок, опрокидывается. Бьется, пытаясь подняться, лошадь, выбираются наружу какие-то люди, бегут вдоль деревьев. Один, в мятом картузе, волочит ногу, отстает. Стаскивает с плеча сумку, размахивается широко — сумка летит в заросли крапивы. Оборачивается в ее сторону...

— Ярослав, Кирилл! — кричит. — Не задерживайтесь, уходите дворами! Я остаюсь!

Парень ковыляет решительно в ее сторону. Она оцепенела, ноги как ватные, не слушаются: сейчас начнет душить!

— Тихо!

Он обнимает ее рукой за плечи. Совсем еще мальчишка. Пышный чуб из-под околышка фуражки, дышит прерывисто, тяжело...

— Иди спокойно! Я твой миленок, ясно? Гуляем...

Прилаживается поудобнее:

— Не дрожи, не съем... Голову положи на плечо...

Из темноты в конце переулка показываются верхоконные. Скачут по мостовой, надвигаются, загарцевали рядом. Полицейские. Шашки на перевязи, кобуры.

— Кто такие? — перегнулся с седла старшой.

— Фабричные, — отзывается парень. — С маслобойки.

— Людей бегущих видали? С коляски этой... — старшой указывает на опрокинутую пролетку.

— Видали. Двоих али троих. Один, кажись, с сумкой. Побегли в сторону Рыбной...

— Ага, давай! — трогают коней полицейские.

Топот копыт, всадники исчезают за углом.

— Накось, выкуси! — Парень смачно сплевывает под ноги. — Фараоны хреновы!

Оборачивается воровато по сторонам, ковыляет к кустам крапивы, возвращается с сумкой.